



# «Я танцевать хочу до самого утра»

Есть такое модное нынче слово — «драйв». У него много значений в переводе с английского, но одно из них — «напористость». Удивительным образом Лариса Игоревна ЗОЛОТИНКИНА, руководитель музейного комплекса ЛЭТИ, в обстановке прошлого века заражает своего собеседника этим «драйвом». Впрочем, как говорил Гете, «лучшее, что нам дает история, — это возбуждаемый ею энтузиазм». В мае будущего года будет отмечаться 110-летие изобретения радио. Имя А.С. Попова должно занять свое достойное место в истории мировой радиотехники. А его Мемориальный музей — стать хранителем истории жизни великого человека.

— Лариса Игоревна, каждый день вы совершаете путешествие во времени. Метро, суета, девушки с гольями пупками — и эта академическая профессорская квартира в стиле «модерн» конца XIX века... Вы в каком времени себя здесь ощущаете?

— В настоящем. Хорошо я себя чувствую среди этих стен. Вот как говорят, церковь намолена, так и эта квартира наполнена духом выдающихся русских ученых. Отсюда все наши школы пошли. Здесь начинались радиотехника, гидроэнергетика, машины...

— «Дух местности» Аптекарского острова?

— Да, квартира-музей Попова существует сейчас в том виде, в каком она была в 1903 году. В те времена рядом с территорией вуза строили профессорский дом. Каждому профессору полагались 250 квадратных метров. Директору — 400 квадратных метров. Гостиная, кабинет, столовая, спальня.

— А на стенах — картины, портреты. Великие ученые смотрят на вас. Оценивают...

— Один из этих великих ученых — мой дедушка. Имант Георгиевич Фрейман. Он приехал в Петербург в 1907 году из Латвии. Окончил Электротехнический институт и стал руководителем первой в России кафедры радиотехники. Был прямым продолжателем дела Попова. Основные наши радиотехнические столпы — Берг, Шукин, Харкевич, Сифоров, Соколов — его ученики. Дедушка умер от туберкулеза, когда ему было всего 38 лет. К этому времени он знал все европейские языки и японский. В 1918 году его призвали на флот, параллельно он был профессором нашего института и Военно-морской академии. Наша квартира находилась здесь же, в этом доме, на третьем этаже, выходила окнами на улицу Попова.

Имант Георгиевич был совершенно исключительной личностью, о нем можно рассказывать часами. В 1924 году поднимал вопрос о том, чего в нашей стране до той поры не было, — об автоматическом обмене информацией, о радиолокации, об обнаружении самолетов. Он был идейным руководителем ленинградской школы радиотехники.

— И прошлое вашего рода стало вашим будущим?

— Имант Георгиевич умер в 29-м году. Может быть, ему «повезло». После 31-го года многие были репрессированы. Если бы он прожил еще два года — латыш, военный, характер у него был, по тем отзывам, жесткий, он всегда решительно отстаивал свою



позицию, — неизвестно, что бы с ним было. У него осталось двое детей — сын одиннадцати лет и дочь — семи. Сын — это мой папа. Он поступил в Академию связи имени Буденного. В этом же доме по другой лестнице во дворе на пятом этаже жила моя мама. Так они и познакомились.

— Она тоже профессорская дочь?

— Нет, мама — круглая сирота. Ее отец был штурманом. После Кронштадтского мятежа мамини родственники оказались в нем замешаны, многих расстреляли, и всех из города выселили. Мама в восемь лет осталась без родителей и жила здесь с тетей. Она была красавицей с роскошной толстенной косой. И папа пользовался сногсшибательным успехом у девочек. Они были очень красивой парой. Поженились в 40-м году. Дальше была блокада, мама по Ладоге уехала к отцу в Самарканд, где я и родилась.

— Я так понимаю, что детство ваше было не дворовое, а «дворцовое»...

— Это правда. В Пушкине нам дали квартиру недалеко от Александровского дворца. И в седьмой класс я пошла в школу, которая находилась в Екатерининском дворце. Когда летом мы заканчивали учебный год, над Большим залом Екатерининского дворца соорудили стропила. Затем я училась в школе, где училась Ахматова. А в Александровском дворце, в НИИ радиоэлектроники, это были 9–11-й классы, мы занимались радиотехникой. У меня был разряд радиомонтажника. И физика мне очень нравилась. Так что в выборе института вопроса не было.

— То есть ЛЭТИ?

— Естественно! Но на радиотехнический факультет я не стала поступать, и в какой-то степени из-за фамилии. Нам не хотелось, чтобы фамилия мешала мне учиться. Мы с папой решили, что вычислительная техника — это наиболее перспективное направление. И я закончила ФАВТ. А с третьего курса начала работать в группе у профессора Роберта Ивановича Юргенсона. Он вообще женщин в науке не любил. Но для меня сделал исключение. Сказал — должны работать гены. Это была кафедра автоматики и телемеханики — самая большая в институте: 150 человек.

— А «юность комсомольская моя»? А студенческие романы?

— Юность была замечательной. Романов

было мало. Как мне сказал один наш приятель, я ходила по коридору, как будто задачу решала. Я обиделась — у меня задач в то время в голове не было. Значит, вид такой был. Я играла в баскетбол. Без особых результатов, но у нас был прекрасный спортлагерь. Тогда в моде был шейк. И мы могли с упоением его танцевать.

После третьего курса я поехала на целину. Два раза была в Казахстане, один раз на Ладоге. Остались потрясающие впечатления и прекрасные друзья. Это была совершенно другая жизнь. В какой-то степени — бешеная. Работали по 10 часов. А после этого еще и костры, танцы...

Первый год наш лэтишный отряд строил зернохранилище из бутового камня. На следующий год я поехала в интеротряд. Это была школа жизни. Например, две группы приехали из Чехословакии — рафинированная пол. Это был 67-й год. Последняя целина — Ладога. Строили дом культуры в Важинах, недалеко от Свирской ГЭС. Мы даже занимались лесослаивом.

— Работа, работа и еще раз работа... Ну а личная-то жизнь?

— Да нормально все было с личной жизнью! После института я «высочила» замуж. Как тогда говорили — за блестящего офицера, знакомого знакомых нашей семьи.

— Это была любовь?

— Скорее, увлечение и любопытство. И потом он был на шесть лет старше меня. Еще один момент — когда нас познакомили, мы отметили совершенно потрясающий Новый год в Доме архитектора. Многие его знакомые оказались знакомыми папы. У мамы с папой была удивительная компания, еще по академии. Я в те годы могла пойти не на студенческую вечеринку, а к ним на праздник. Папа писал замечательные «датские» — к датам — стихи. В их обществе мне было весело, хорошо. До свадьбы будущий муж пригласил меня на Дальний Восток. Бухты, природа, океан — красота необыкновенная. Когда вернулись, у трапа самолета нас встречала вся родня с букетами. Я еще думала: будем вместе — не будем, а тут уже куда было не деться.

— И куда вас повело по жизни дальше?

— Родилась дочка, я поступила в аспирантуру. Период был тяжелый — маленький ребенок, работа над диссертацией, съемное жилье. Правда, очень помогала мама. Диссертация была связана с обработкой информации для боевых информационно-управляющих систем. Писала я ее фактически в Александровском дворце, в Институте радиоэлектроники. Там же стала и работать. А в 1976 году произошла моя встреча с Евгением Николаевичем Шошковым, начальником отдела гидроакустики. Ему было поручено в Москве, в главном управлении, писать историю гидроакустики. В документах 1924 года основная фигура — Имант Георгиевич. Шошков обратился к моему папе, начальнику одного из отделов нашего НИИ, который сказал — я заниматься этим не буду, пусть Лариса это делает. А я, честно говоря, отнеслась тогда к истории спокойно-

но: висит дома и в институте портрет моего дедушки — профессора ЛЭТИ, ну и что... Когда же начала о нем что-то читать, узнавать, поняла, какую огромную роль он сыграл в радиотехнике. И под опекой Шошкова я стала работать. Он был паровозом, а я поставляла информацию.

— Абсолютно научно-техническая женщина стала историком?

— И с большим удовольствием. Когда в 90-е годы начали готовиться к 100-летию изобретения радио, директор Центрального музея связи Наталья Николаевна Курицына пригласила меня к себе. И я полтора года проработала в этом музее. Он, к слову о дворцах, тоже находится во дворце графа Безбородко. Это было потрясающе интересно. В это же время начала работать городская комиссия по подготовке к 100-летию изобретения радио, я стала секретарем этой комиссии.

А в 94-м году умерла Екатерина Георгиевна Попова-Кьяндская, директор нашего музея Попова. Она долго болела. Мысли о том, что я здесь окажусь по-своему, и вот уже 10 лет возглавляю этот музей. Наша главная цель — поднять музей на тот уровень, которого он достоин. Имя Попова должно выйти на международную арену. Про Маркони знал весь мир, он был, дай Бог, какой пиарщик. На Западе же фамилии Попова многие просто не знают.

— То есть вы пиарите Попова?

— Безусловно. Нам очень важно, чтобы все поняли роль Попова в истории не только российской, а вообще мировой радиотехники.

— Кто к вам приходит в музей?

— В музей-лабораторию — школьники и студенты, высокие гости всякого уровня. В мемориальном музее-квартире проходят юбилеи, встречи иностранных гостей, ректор награждает студентов грамотами, проводятся конференции профессорско-преподавательского состава.

В музее стоят два рояля. Артистам очень нравится рояль Степана Попова — фирмы Блютнер. Я тоже иногда к нему подхожу. Свой домашний рояль мне пришлось передать подростковому клубу. В 14 квадратных метрах ему было тесно. Особенно когда появилась внучка Маша. Родные меня, правда, не поняли.

— А что вы играете?

— Самое любимое — Седьмой вальс Шопена. Очень люблю Моцарта. Смешно, но я люблю играть этюды. Черни, например. Это успокаивает. Многие мучились, когда играли в школе сонатины, а мне это нравилось. Люблю духовой оркестр. Когда слушаешь эту музыку в хорошем исполнении, можно просто унести куда-то. Но самая моя большая слабость — это танцы. Папа научил меня танцевать все. Быстрый фокстрот, медленный, вальс...

— Как в песне — «я танцевать хочу до самого утра»?

— Да! И могу. Среди моих друзей двое занимались бальными танцами, получалось неплохо, даже в рок-н-ролле.

— До сих пор можете танцевать рок-н-ролл?

— Танцевать — это слишком, но под настроение что-то получается.

— На каблуках танцуете?

— Начинаю, а потом туфли сбрасываю.

— Как ваше утро начинается?

— Сейчас начинается с того, что я поднимаю внучку из постели, частенько отвожу ее в садик.

— Зарядку делаете по утрам?

— Я обливаюсь холодной водой. Уже лет десять. Как-то мне это понравилось.

— С компьютером у вас хорошие отношения?

— Недостаточно хорошие. Я мало пользуюсь Интернетом, а освоить в совершенстве просто не хватает времени. Но у меня — хорошие коллеги. Если что, я кричу: «Помогайте!».

— Какая жизненная установка для вас главная?

— Что ты спрятал, то потеряно. Что ты отдал, то твое.

Наталья КУЗНЕЦОВА